

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ЗЫКИН

кандидат исторических наук, учитель
Средняя общеобразовательная школа № 27 (Пермь, Рос-
сийская Федерация)
zivverh@mail.ru

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ФИНАНСИРОВАНИЯ, ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Одной из значимых отраслей, претерпевших системную трансформацию в конце 1920-х – начале 1940-х годов, стал лесопромышленный комплекс. Изучение его истории актуально в связи с продолжительным существованием проблем, возникших в переломную эпоху и оказывающих влияние на современное состояние отрасли. Обращение к опыту развития лесопромышленного комплекса позволяет выявить и исследовать положительные и отрицательные стороны, которые, безусловно, могут быть взяты современниками за основу при определении перспектив развития и путей решения проблем отрасли. В статье уделено внимание Уральскому региону, лесная промышленность которого получила серьезный импульс в развитии. Рассмотрены эволюция сферы управления, экстремальные ситуации, возникавшие в деятельности предприятий, трестов, главных управлений. Выявлены направления инвестиций в лесопромышленный комплекс: приоритет строительства предприятий и приобретения оборудования над развитием жилищной и социально-бытовой сферы. Проанализированы изменения в подходах к лесопользованию: передача лесных массивов нескольким крупным лесозаготовителям, распространение сплошных рубок, быстрое освоение доступных лесных баз, отсрочка решения проблемы комплексной переработки лесных ресурсов, системной механизации работ. Отмечено, что, несмотря на осуществленное финансирование, лесопромышленный комплекс неудовлетворительно справлялся с плановыми заданиями, выработкой качественной продукции. Сделан вывод о том, что в отрасли к концу 1930-х – началу 1940-х годов не были решены существовавшие и возникшие проблемы.

Ключевые слова: Советский Союз, индустриализация, первые пятилетки, лесная промышленность, управление, заготовка леса, строительство предприятий

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных тем истории Советского Союза является проблема модернизации в стране в конце 1920-х – начале 1940-х годов, в том числе в лесопромышленном комплексе. В этот период осуществлялась системная трансформация отрасли, одной из главных задач которой было производство лесоматериалов и пиломатериалов для военно-промышленного и строительного комплексов, экспорта в зарубежные страны.

Интерес профессиональных историков, специалистов ведомств, экономистов, краеведов к истории лесопромышленного комплекса был обусловлен значимостью модернизации для развития страны в целом, а также существовавшими и возникавшими проблемами в отрасли, которые требовали осмысления и решения. В советский период исследователи уделяли внимание таким вопросам, как реформирование системы управления лесным комплексом, строительство и реконструкция новых предприятий, освоение передовой техники, социалистическое соревнование, трудовые достижения работников, предприятий, отрасли, социалистические обязательства и т. п., что обуславливалось идеологическими причина-

ми и политической конъюнктурой. Были изданы обобщающие работы о развитии лесопромышленного комплекса страны, регионов, в том числе в период с конца 1920-х по начало 1940-х годов (см., например: [11], [14], [15]).

На современном этапе ученые, наряду с пересмотром ряда положений советских авторов о развитии лесопромышленного комплекса в период «социалистической индустриализации», уделяют внимание темам, которые до конца 1980-х годов не находили адекватного отражения в советской литературе (например, «экономическая» и «социальная» история, роль «спецконтингента» в развитии отрасли, отношение к труду, его эффективность), анализируют проблемы развития отрасли на основе новых методологических подходов, ранее недоступных архивных источников. Изданы научные и научно-популярные работы об истории лесного комплекса [18], его отдельных отраслей [8], регионов [5], [7], [16]. В последние годы большую работу в изучении трансформаций отечественного лесного комплекса, в том числе в период модернизации конца 1920-х – начала 1940-х годов, в Карелии проводят И. Р. Шегельман и О. И. Кулагин [12], [13], [19], Поволжье – Е. В. Воейков [3], [4], в Уральском регионе – автор статьи [9], [10].

В последние годы круг исторических источников и сведений, точек зрения о развитии лесной промышленности Советского Союза значительно расширился. Основной комплекс источников, начиная с начала 1930-х годов, то есть с образования самостоятельного лесопромышленного ведомства, хранится в Российском государственном архиве экономики¹. Значимым трудом, в котором опубликованы документы об истории лесного комплекса регионов Европейского Севера страны с 1917 по 1941 год, является «Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941»². Особую важность в исследовании сыграли материалы, содержащие критику деятельности лесопромышленных ведомств. Они отразили далеко не те темпы развития, состояние отрасли, на которое рассчитывали в период модернизации партийно-государственные органы.

Следует отметить, что изучением истории лесного комплекса страны активно занимаются специалисты отрасли, есть региональные работы. Однако исторических исследований, где бы комплексно рассматривались и анализировались трансформации лесной промышленности, в том числе в 1930-х годах, не издано. Целью статьи, с одной стороны, является обобщение фактов и выводов советских и современных исследователей, введение в оборот ранее не публиковавшихся исторических источников по проблеме, с другой – формулирование объективной оценки развития отечественной лесной промышленности в ходе реализации первых пятилетних планов, рассмотрение малоизученных вопросов, в том числе в Уральском регионе, где сформировался крупный лесной комплекс.

Базовой теорией исследования выступила концепция модернизации. Поскольку модернизация представляет собой «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу» [1], целесообразно выделить ключевые исследовательские проблемы, от которых в первую очередь зависело функционирование отрасли. Такими проблемами стали управление, финансирование лесопромышленного комплекса, экспорт лесных ресурсов и материалов, а также малоизученные вопросы: смена подходов к лесопользованию, взаимоотношения между предприятиями, трестами и отраслевыми ведомствами. Современное состояние лесного комплекса страны – системообразующей отрасли отечественной экономики – является следствием разнообразных реформ и трансформаций, осуществлявшихся в Советском Союзе. Поэтому адекватное понимание проблем и достижений формирования и развития отрасли в советскую эпоху позволит в XXI веке принимать эффективные решения в сфере лесопользования, направленные на повышение его эффективности.

УПРАВЛЕНИЕ ОТРАСЛЮ И ЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Политика советской власти в 1920–1930-х годах обусловила формирование новой модели управления лесами и лесопользования. В постановлении Всесоюзного центрального исполнительного комитета «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства» (конец 1929 года) был

«намечен пересмотр системы лесоустройства с целью ее упрощения и максимального приспособления к поставленным властью задачам эксплуатации лесов для обеспечения экспорта древесины» [17: 24–25].

Основными подходами лесозаготовки стали отрицание рынка в лесопользовании, размежевание лесного хозяйства и лесопромышленной деятельности, отказ от научной базы лесного хозяйства [18: 44], что привело к началу экстенсивной лесозаготовки.

Большое влияние на развитие лесопромышленного комплекса оказали реформы управления отраслью. Государственную политику в области лесопользования проводило образованное в 1932 году специализированное ведомство – Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза (далее – Наркомлес), которому были переданы леса промышленного назначения. Согласно постановлению Совета труда и обороны «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» от 12 июля 1929 года, основными заготовителями стали предприятия, подведомственные советам народного хозяйства союзных республик и их местным органам, народным комиссариатам земледелия и путей сообщения. Лесные массивы в основных районах деятельности органов Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата путей сообщения передавались им в долгосрочное пользование (60 лет). Заготовители должны были выполнять ряд работ:

«...охрану лесов, лесоустроительные и мелиоративные работы, очистку мест рубок, работы по улучшению сплавных путей, дорожное и жилищное строительство, работы по уходу за лесом и по возобновлению леса, а также по составлению эксплуатационных планов с определением ежегодного размера рубки...»³

Для управления отдельными отраслями в структуре Наркомлеса были организованы главные управления и тресты, число которых увеличивалось по мере постановки новых задач перед отраслью или вследствие административно-территориального районирования. Если в 1936 году в системе Наркомлеса СССР функционировали 43 лесных треста, то в 1940 году – 20 главных управлений, объединявших 99 лесных трестов⁴. Реформирование центральных и региональных органов управления лесным хозяйством и лесопромышленным комплексом, пришедшее на период строительства и реконструкции предприятий отрасли, отрицательно

сказывалось на функционировании производств, несмотря на выстраивание строгой иерархии управления. Одному главному управлению или тресту подчинялись предприятия, работавшие в разных природных и организационно-экономических условиях, не связанные между собой хозяйственными, кооперационными, технологическими связями. В начале 1935 года Совет народных комиссаров Советского Союза и Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), столкнувшись с низкими темпами механизации лесозаготовки, объявили о создании механизированных лесопунктов, которые занимались бы механизированной трелевкой, вывозкой, погрузкой и разделкой древесины⁵.

С конца 1920-х и на протяжении 1930-х годов капиталовложения в лесопромышленный комплекс постепенно возрастали. Если в начале 1930-х годов капиталовложения инвестировались в основном в расширение и реконструкцию действовавших предприятий, то с середины десятилетия – на строительство новых производств, связанных преимущественно с глубокой переработкой древесины. Незначительные суммы тратились на лесохозяйственную деятельность⁶. Перед лесопромышленным комплексом стояли масштабные задачи. Было начато строительство большого числа производств, на действовавших предприятиях проводилась реконструкция. Следствием этого стало распыление средств, появление долгостроев, что требовало увеличения капитальных вложений. Так, в 1931 году было начато строительство трех объектов в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли и двух – в бумажной, два предприятия реконструировались. Продолжалось возведение 39 объектов в лесопильно-деревообрабатывающей отрасли, пяти – в бумажной, шести – в лесохимической на общую сумму более 260 миллионов рублей, модернизировались 13 заводов⁷.

Общий объем вложений в лесопромышленный комплекс за 1933–1938 годы составил 6,42 миллиарда рублей, из них капитальные вложения – 2,75 миллиарда. Наибольший объем средств был инвестирован в 1936 году, когда официально вошли в строй крупные предприятия отрасли, – 1,3 миллиарда рублей, в том числе капитальных вложений – 740 миллионов⁸. Тем не менее в лесопромышленный комплекс страны было вложено фактически меньше средств, чем предполагалось. С одной стороны, недостаточное финансирование комплекса, несмотря на его значимость, в том числе с позиции партийно-государственных органов, для экономики страны, свидетельствует о приоритете отраслей, связанных с переработкой природных ископаемых, машиностроением, военной промышленностью. С другой стороны, внутри лесопромышленного комплекса распределение инвестиций осуществ-

лялось исходя из важности промышленного строительства и лесозаготовки, тогда как на создание жилищной, бытовой и социальной инфраструктуры отрасли тратились незначительные средства, к примеру, от 20 до 50 миллионов рублей в разные годы второй пятилетки. Диспропорции в целевом назначении капитальных вложений привели к отставанию развития жилищно-бытовой и социальной инфраструктуры, затягиванию решения проблемы формирования постоянных производственных коллективов предприятий.

Валовая продукция и стоимость основных производственных фондов лесопромышленного комплекса в годы первой пятилетки возросли за счет активного строительства и реконструкции новых предприятий, внедрения передовой техники⁹. При этом темпы роста производственных фондов, стоимости продукции в комплексе опережали динамику фактических показателей выпуска продукции. Эффект от внедрения новой техники и технологий проявился позднее, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Строительство предприятий лесопромышленного комплекса, внедрение новых технологий, техники, использование принудительного труда сельского населения, спецпереселенцев и заключенных должны были приводить к снижению себестоимости производимой продукции. Однако, к примеру, в 1929–1932 годах этот показатель существенно возрос и был выше размеров, установленных планом¹⁰. Причиной такого положения были организационно-экономические трудности. Возведение предприятий не удавалось завершить в установленные сроки, что вело к удорожанию стоимости строительства. К высокой стоимости новой техники добавлялись проблемы ее медленного внедрения и освоения. Темпы роста заработной платы работников опережали рост цен, к тому же фонды оплаты труда в отдельные периоды перерасходовались. Отрасль испытывала дефицит сырьевых, энергетических, транспортных, трудовых ресурсов, из-за чего предприятия по несколько лет не могли достичь проектной мощности. Имели место перерасход, нецелевое использование средств, воровство, приписки.

Планы по снижению себестоимости не выполнялись и в последующие годы. Так, по итогам 1934 года себестоимость продукции лесной промышленности оказалась значительно выше плана из-за перерасхода ресурсов (цеховые расходы были превышены на 22,1 миллиона рублей, недостача сырья и материалов – на 14,3 миллиона, оплата простоев вагонов – на 1,6 миллиона, уплата штрафов и пени – на 4,1 миллиона). Нередко средства, предназначавшиеся на оснащение предприятий оборудованием, закупку материалов, промышленное и гражданское строительство, направлялись на другие цели¹¹.

ЭКСПОРТ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ И МАТЕРИАЛОВ

В период индустриализации экспорт лесных ресурсов и материалов приносил Советскому Союзу значительную валютную прибыль, которая направлялась на нужды индустриализации. В 1929 году страна занимала третье место среди европейских стран в экспорте данных товаров с показателем 17 % (удельный вес Финляндии равнялся 22 %, Швеции – 21 %) ¹². Удельный вес древесины и целлюлозно-бумажных изделий в структуре экспорта Советского Союза составил 16,6 %, уступая продовольственным товарам и минеральным продуктам, тогда как в 1913 году он равнялся 10,6 %. Наибольший объем древесины и целлюлозно-бумажных изделий экспортировался в 1929 году в Великобританию (49,2 %), Нидерланды (16,9 %), Германию (16,1 %) [2: 38, 51–52, 55–56]. За 1928/1929–1937 годы из страны было вывезено 41,1 миллиона тонн лесоматериалов, в том числе за 1933–1937 годы – 30,7 миллиона тонн на сумму 1,9 миллиарда рублей. Экспорт лесных ресурсов и продукции лесопромышленного комплекса был выгоден стране, равно как вывоз зерна, нефти и нефтепродуктов. За 1928/1929–1940 годы за счет вывоза лесоматериалов страна получила почти 2,3 миллиарда рублей, тогда как экспорт нефти и нефтепродуктов дал СССР чуть более 1,5 миллиарда, зерна – почти 1,3 миллиарда ¹³. Только одна Карелия, лесопромышленный комплекс которой был ориентирован в основном на экспортную деятельность, за 1928–1935 годы принесла стране выручку в размере около 115 миллионов золотых рублей [13: 150].

В 1929–1930 годах удельный вес пиломатериалов в экспорте леса не превышал 40 %, тогда как в Швеции он равнялся около 80 %, в Финляндии – около 60 % ¹⁴. Соответственно доля необработанной древесины была выше, чем у других экспортирующих стран с развитым лесопромышленным комплексом. В этот период Советский Союз не вывозил бумагу, экспорт которой Швецией и Финляндией приносил существенную прибыль. В 1938–1940 годах экспорт лесоматериалов в натуральном и стоимостном выражении сократился более чем в десять раз, выручка составила около 80 миллионов рублей, что было связано с уменьшением зависимости Советского Союза от импортных технологий и техники, направлением продукции механической обработки и глубокой переработки древесины на удовлетворение внутренних потребностей страны. Уменьшился удельный вес лесоматериалов в структуре экспорта (в 1938 году – 4,2 %, в 1940 году – 3,3 %). Стало больше вывозиться зерна, нефтепродуктов, хлопка-волокна, пушнины и мехового сырья, хотя абсолютные показатели экспорта этих товаров были также меньше по сравнению с 1933–1937 годами ¹⁵.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

В изучаемый период, в условиях трансформации системы управления лесным комплексом, смены подходов к лесозаготовке, управляющим органам, предприятиям вновь приходилось выстраивать организационно-экономические отношения, что сопровождалось появлением ряда трудностей. В условиях разделения полномочий в сфере лесозаготовки между лесным хозяйством, лесозаготовительными предприятиями, предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины последние не могли управлять процессом поступления леса на производственные площадки. Это вело к противоречию между заказами предприятий и поставками древесины по сортности, из-за чего возникали экстремальные ситуации, которые приводили к невыполнению заводами планов по заготовке, механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов, их простоям.

Например, по данным на 10 октября 1931 года, в стране были пущены в сплав 77,3 миллиона кубических метров леса, в пути находились 8,9 миллиона. Прибыли к конечным пунктам сплава 68,2 миллиона кубических метров, из них выгружены на берег 48,7 миллиона. То есть к началу зимнего периода в воде остались 29,9 миллиона кубических метров древесины (34,4 % годового плана), часть которых так и не успели выгрузить ¹⁶. Леспромхозы, расположенные в верхнем течении реки Камы, вообще срывали сроки сплава древесины. В 1931 году в реке были заморожены 352 тысячи фемтметров древесины, в 1932 году – 763 тысячи ¹⁷. Лесопильные заводы, в свою очередь, не спешили расплачиваться за поставленную древесину с лесозаготовительными организациями, надеясь на поддержку треста, что приводило к напряженным взаимоотношениям между ними. В 1936 году в Республике Коми на первичных речках обсохло около 1 миллиона кубических метров леса, на р. Вычегда – около 300 тысяч, на р. Печора – 110 тысяч. Только спецдревесины было потеряно свыше 97 тысяч кубических метров. В результате лесопильные заводы города Сыктывкара и в районе реки Печоры оставались без древесины и простаивали ¹⁸.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в сфере заготовки лесных ресурсов наблюдалось распространение сплошных рубок, «прежние» подходы к лесозаготовке критиковались. Так, в Надеждинском лесном округе Уральской области в феврале 1930 года заготовка древесины велась в 366 кварталах на площади 16 тысяч квадратных километров. В публикациях того времени отмечались трудности управления, организации, контроля, снабжения лесоучастков. Указывалось на необходимость перехода к сплошным рубкам, сочетания промышленной колонизации с широкой механизацией всех лесозаготовительных операций ¹⁹. В 1933 году специалисты вновь

подчеркивали, что лесозаготовительные работы, базировавшиеся на мускульном труде человека и лошади, с большим трудом могли быть обеспечены рабочей силой при «старых» методах работы²⁰ (имеются в виду выборочные рубки с целью заготовки крупномерной древесины для последующей ее реализации).

Возросшие потребности в древесине, отсутствие соответствующей организации выборочных рубок оставляли в стороне основополагающие принципы лесоводства и лесопользования, исключая возможность проведения комплексной механизации лесозаготовительных работ. В сферу сплошных лесозаготовок попадал даже фаутовый лес (пораженный пороками). Наркомлес хотя и издавал распоряжения о повышении эффективности использования лесных ресурсов, например положение об ответственных исполнителях по использованию отходов при трестах²¹, ситуация оставалась кризисной. Спецпереселенец И. Т. Твардовский, работавший в Северном Зауралье, писал о том, как организовывались лесозаготовительные работы:

«Бревна должны были вывозиться к реке для сплава, но зачастую они оставались на годы, а иногда и совсем не вывозились»²².

Обследование состояния лесного комплекса Коми автономной области, проведенное в начале 1929 года, выявило неудовлетворительное положение дел. Сплавные пути не очищались, а лесозаготовители осваивали в первую очередь ближайшие к путям сплава лесосеки. В результате заготовки постепенно отдалялись от рек, и, как следствие, увеличивалась средняя стоимость заготовки и вывозки одного кубического метра древесины²³.

Помимо этого, в условиях преобладания сплавного способа транспортировки леса древесные отходы не находили применения, что вело к нерациональному использованию ресурсов. По расчетам специалистов при планировании второго пятилетнего плана, при общем объеме лесозаготовок в Уральском регионе в 70 миллионов фемтметров количество древесных отходов должно было составить примерно 20 миллионов. С остававшимися на лесосеках пнями и сучьями объем древесных отходов увеличивался еще на 6 миллионов фемтметров²⁴. То есть более трети объема заготавливавшейся древесины, необходимой экономике страны, оставалось на лесосеках. Процент переработки древесных отходов, пней и сучьев был невысоким ввиду слабых кооперационных связей между трестами, первоочередной задачи выполнения и перевыполнения плановых заданий. Тем самым снижался и без того низкий, по сравнению с развитыми государствами с ведущей ролью лесопромышленного комплекса в экономике, показатель съема древесины с гектара лесопокрытой площади. В середине 1930-х годов целлюлозно-бумажные

предприятия Народного комиссариата лесной промышленности теряли в среднем 15–20 % древесной массы (1,5 миллиона кубических метров) на уколе балансовой древесины²⁵.

На протяжении 1930-х годов велся поиск решений, направленных на повышение эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса. Из-за неудовлетворительной работы производства могли передаваться из одного треста в другой, что произошло, к примеру, с Черноярским лесопильным заводом (Уральская область) в 1931 году (его передали лесозаготовительному тресту «Уралсевлес» для улучшения сбыта продукции)²⁶. Попытка объединения Лобвинского лесопильного завода с одноименным леспромпхозом (Свердловская область) в 1936 году в лесной комбинат не принесла ожидаемых результатов [7: 83–84]. В поле зрения руководства комбината оказывались нарушения леспромпхоза, использовавшего главным образом принудительный труд спецпереселенцев, завышавшего результаты своей деятельности для выполнения плана. Леспромпхоз все же сохранил функции управления движением древесины до ее поступления на площадки Лобвинского лесного комбината.

Неудовлетворительным оставалось взаимодействие предприятий, трестов и главных управлений лесопромышленного комплекса с другими отраслевыми ведомствами. Система распределения ресурсов, сложившаяся в 1930-х годах в Советском Союзе, не учитывала объективно потребностей разных отраслей и отдельных предприятий. В условиях разделения органов управления производством все сильнее проявлялась «тенденция отдавать в вопросах снабжения предпочтение “своим” предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим ведомствам» [6: 203]. К примеру, газета «Лесная промышленность» сообщала, что на 1937 год Госплан отпустил Главлесдреву для цеха деревянных труб Лобвинского лесного комбината фонд металлической арматуры в 4 тысячи тонн. Но Главлесдрев из этого лимита выделил только 1,3 тысячи тонн. Еще в 1936 году Лобвинский комбинат из-за отсутствия материалов был вынужден отказаться от выполнения заказов 18 организаций²⁷.

Слабые места имелись на многих предприятиях лесопромышленного комплекса. Из-за имевшихся организационно-экономических проблем, нерациональной организации работ, дефицита рабочей силы, ресурсов производствам могли не доставить к сроку весь объем товара, а потребители нередко получали продукцию ненадлежащего качества. Народный комиссар лесной промышленности Советского Союза В. И. Иванов 15 ноября 1936 года на собрании работников ведомства сравнил самую худшую вискозную целлюлозу, японскую, с советской целлюлозой самого высокого качества. И сопоставление оказалось

не в пользу отечественной продукции. В. И. Иванов в подтверждение примера привел аргументы руководителей предприятий и трестов: «Гони какой угодно товар – все равно возьмут»²⁸. То есть производственники мало заботились о повышении качества продукции, поскольку дефицит подстегивал спрос потребителей на товар любых характеристик. Хотя в 1930-х годах ассортимент продукции механической обработки и глубокой переработки древесины, несомненно, существенно увеличился, экономика страны испытывала потребность в товарах, производившихся лесопромышленным комплексом.

Фактические показатели в сфере заготовки, механической обработки и глубокой переработки лесных ресурсов в Советском Союзе в конце 1920-х – начале 1940-х годов по сравнению с объемами лесопромышленного производства в стране в 1910–1920-х годах выглядят впечатляющими. В годы первой пятилетки происходил рост объемов заготовки и вывозки леса, производства продукции²⁹, прежде всего за счет освоения новых лесных массивов на Европейском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, реконструкции и строительства предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины. Однако, несмотря на увеличение объемов производства бумаги, в 1928 году потребность в ней покрывалась внутренним производством на 75 %, а в 1931 году, в связи с резко возросшими потребностями в этом товаре, только на 45 %³⁰.

Первый пятилетний план развития лесной промышленности страны подвергался корректировкам, притом в сторону уменьшения показателей. Результаты производственной деятельности отрасли в 1932 году были значительно скромнее, чем планировалось пять лет назад. В начале второй пятилетки произошел спад в ключевых видах деятельности лесопромышленного комплекса, и в целом отрасль не выполнила плана пятилетки 1933–1937 годов. Сведения о выполнении годовых планов отраслью уместно сравнить с данными предыдущих лет. Достижение показателей 1932 года сопровождалось существенными трудностями, несмотря на освоение новых лесных массивов, активное использование принудительного труда спецпереселенцев, заключенных, сельского населения, механизацию заготовки и вывозки леса, ввод в эксплуатацию новых предприятий. За 1933–1937 годы наиболее высокие темпы развития были в сфере производства бумаги, картона, фанеры. Незначительно увеличились объемы заготовки леса, выпуска пиломатериалов.

Вторым пятилетним планом предусматривалось увеличение производства пиломатериалов до 43 миллионов кубических метров в 1937 году, тогда как фактически было выпущено только около 29 миллионов³¹. Это было всего на 5 миллио-

нов кубических метров больше, чем в 1932 году. При этом в ряде регионов, например Карелии, достижение плановых показателей по заготовке и вывозке лесных ресурсов сопровождалось невысокими темпами развития механической обработки древесины. Это привело к укреплению «одностороннего характера развития лесной промышленности края» [13: 151]. Третьим пятилетним планом намечалось к 1942 году существенно увеличить вывозку древесины, производство пиломатериалов и бумаги. Однако в 1940 году показатели ожидалось ниже, чем в 1939 году³². При этом Наркомлес хоть и оставался ведущим ведомством в отрасли, его роль среди других субъектов лесопользования постепенно снижалась. Значимое место в лесопромышленной деятельности в конце 1930-х годов занял Народный комиссариат внутренних дел, объемы заготовки лесных ресурсов которого были сопоставимы с показателями лесозексплуатации на Урале или Европейском Севере.

Своего рода финальным мероприятием, на котором были подведены итоги индустриализации в Советском Союзе в 1930-х годах и намечены перспективы экономического развития страны, стал XVIII съезд партии, состоявшийся 10–21 марта 1939 года. Из текста решения³³ видно, что ключевые мероприятия развития лесной промышленности, связанные с превращением ее в индустриальную отрасль, не были целиком выполнены. В частности, механизация лесозексплуатации осуществлялась низкими темпами, ряд крупных предприятий (например, Камский, Соликамский, Соломбальский, Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты) возводился еще с первой половины и середины 1930-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволило отойти от рассмотрения истории лесопромышленного комплекса с позиции поступательного развития и не игнорировать имевшие место проблемы в сферах управления, финансирования, лесопользования. В рамках программ модернизации страны лесопромышленный комплекс, по замыслу высших партийно-государственных органов, должен был превратиться в индустриальную отрасль. Этому способствовали рост капитальных вложений, строительство крупных предприятий, особенно в сфере механической обработки и глубокой переработки древесины, внедрение передовых технологий и техники, освоение новых лесных массивов. Однако на протяжении 1930-х годов экспорт лесных ресурсов и материалов был представлен в основном необработанной древесиной.

Реформа сферы управления лесопромышленным комплексом привела к появлению непрофильных ведомств, занимавшихся лесопромышленной

деятельностью для удовлетворения внутренних потребностей (народные комиссариаты тяжелой промышленности, внутренних дел, путей сообщения), из-за чего многие социально-экономические, экологические вопросы лесопользования игнорировались. Сформировалась иерархическая, но весьма громоздкая система управления отраслью, усложнявшаяся по мере постановки партийно-государственными органами дополнительных задач, освоения новых технологий и видов продукции, дробления административно-территориальных единиц. Это, в частности, выразилось в слабом взаимодействии вышестоящих инстанций с нижестоящими и другими ведомствами. Капитальные вложения в первую очередь направлялись на промышленное строительство, по остаточному принципу финансировались формирование жилищной и социально-бытовой инфраструктуры, лесное

хозяйство. Несмотря на смену подходов к лесозаготовке, распространение сплошных рубок, в отдельные периоды наблюдались спады в развитии отрасли. Эти проблемы отразились и на развитии лесопромышленного комплекса Уральского региона, особенно в сфере заготовки лесных ресурсов и строительства новых предприятий.

Потребности страны в лесных ресурсах, продукции механической обработки и глубокой переработки древесины возрастали из года в год. Но решение проблемы увеличения объемов лесопромышленной деятельности со стороны партийно-государственного руководства страны сопровождалось в основном декларациями о необходимости выполнения плановых заданий и преодоления существовавших проблем, об открытии новых строек и требованиях ввода в действие сооружавшихся объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637.
- ² Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005.
- ³ Там же. С. 154.
- ⁴ Там же. С. 367–368.
- ⁵ Там же. С. 258.
- ⁶ Подробнее об объемах инвестиций в лесопромышленный комплекс: История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/node/7684 (дата обращения 02.09.2018); История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 51, 84; Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М., 1929. С. 136–139.
- ⁷ Основные показатели народнохозяйственного плана на 1931 год // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 350–355.
- ⁸ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. документов и материалов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 03.09.2018).
- ⁹ Подробнее об объемах валовой продукции и стоимости производственных фондов в лесопромышленном комплексе: История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 19, 52, 83, 84, 114, 115, 131, 148; Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 256; Контрольные цифры промышленности на 1929/30 г.: Материалы к докладу ВСНХ СССР Госплану СССР. М., 1929. С. 10–11.
- ¹⁰ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/node/7684 (дата обращения 12.09.2018).
- ¹¹ История индустриализации СССР. 1933–1937 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 83.
- ¹² Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 171.
- ¹³ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 03.08.2018).
- ¹⁴ Совалов А. Структура внешнего торгового оборота СССР // Народное хозяйство СССР. 1932. № 5–6. С. 120.
- ¹⁵ История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения: 03.08.2018).
- ¹⁶ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/info/8821 (дата обращения 11.08.2014).
- ¹⁷ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4. С. 35.
- ¹⁸ Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 313.
- ¹⁹ Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината // Хозяйство Урала. 1931. № 2. С. 37, 42.
- ²⁰ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4. С. 28, 39.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.
- ²² Твардовский И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996. С. 94.
- ²³ Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 151.
- ²⁴ Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината // Хозяйство Урала. 1931. № 2. С. 44.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ²⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1518. Д. 7. Л. 69.
- ²⁷ Могилячки деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. 1937. 3 июля. С. 3.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 44, 45.
- ²⁹ История индустриализации СССР. 1929–1932 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istmat.info/info/8149 (дата обращения 05.08.2014), www.istmat.info/info/8508 (дата обращения 10.08.2014), www.istmat.info/info/8764 (дата обращения 11.08.2014).
- ³⁰ Бумажная промышленность // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск, 1933. С. 507.
- ³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 748, 886.
- ³² Подробнее о показателях третьего пятилетнего плана: История индустриализации СССР. 1938–1941 гг.: Сб. материалов и документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/7685> (дата обращения 12.08.2018).
- ³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 891, 902.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Введение // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: Монография / Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.: Наука, 2000. С. 3–9.
2. Афонцев С. А. От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 32–60.
3. Воейков Е. В. Женский труд в лесной промышленности Среднего Поволжья в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 133–138.
4. Воейков Е. В. Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 5. Т. 15. С. 74–78.
5. Глузман В. Л., Маслюков М. Ф. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 384 с.
6. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. 2-е изд. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 400 с.
7. История развития лесной промышленности Среднего Урала / Сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. 398 с.
8. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: РАО «Бумпром»: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. 232 с.
9. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. социально-педагогический ин-т (филиал) Российского гос. профессионально-педагогического ун-та, 2015. 140 с.
10. Зыкин И. В. Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. – первая половина 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2014. 237 с.
11. Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm> (дата обращения 12.08.2018).
12. Кулагин О. И. Особенности изучения лесопромышленного комплекса Карелии в историографии // Краеведческие чтения: Материалы X науч. конф. (11–12 февраля 2016 г.) / Нац. б-ка Респ. Карелия; Сост. П. Н. Соловьева. Петрозаводск, 2016. С. 155–159.
13. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX веков // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
14. Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. 19 с.
15. Петров Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л.: Гослесбумиздат, 1952. 146 с.
16. Северный лес на все времена. Сыктывкар: Издательская группа ООО «Коми республиканская типография», 2011. 431 с.
17. Страхов В. В., Писаренко А. И. О реформе лесоустройства в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 3. С. 23–34.
18. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
19. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Особенности трансформаций в лесном секторе экономики России в 1917–1930 годы // Новое слово в науке: перспективы развития: Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 447–449.

Zykin I. V., Secondary General School No 27 (Perm, Russian Federation)

TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE SOVIET UNION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS: PROBLEMS OF MANAGEMENT, FINANCING AND FOREST MANAGEMENT

Modernization processes between the late 1920s and the early 1940s radically changed the economic image of the Soviet Union. The forest industry became one of the significant sectors which underwent system transformation during this period. Studying its history is relevant in connection with the long-standing problems which arose during that critical era, and which still affect the current state of the industry. Referring to the experience of the forest industry development enables to reveal and investigate its positive and negative sides, which certainly can be used by the contemporaries as the basis for determining the industry's development prospects and the ways of solving the problems. The article focuses on the Ural region, where forest industry has been given a major boost in development. The author studies the evolution of the management sphere, and the extreme situations arising during the operations of the enterprises, trusts, and head departments. The forest industry investment patterns are revealed with the priority given to facility construction and equipment acquisition over housing and social development. The article analyzes the changes in the approaches to forest exploitation: i.e., the transfer of forests to several large timber procurers, dissemination of clear-cutting method, fast development of available forest bases, suspension of solving the problem of forest resources complex processing, and the system mechanization of operations. It is noted that despite the financial backing the forest industry was not able to satisfactorily achieve the targeted goals and deliver high-quality forest products. The conclusion is drawn that by the late 1930s and the early 1940s the industry's new and existing problems had not been solved.

Key words: the Soviet Union, modernization, industrialization, first five-year plans, forest industry, management, financing, logging, facility construction

REFERENCES

1. Alekseev V. V. Introduction. *Russian modernization between the XVIII and the XX centuries: Monograph*. Moscow, 2000. P. 3–9. (In Russ.)

2. Afontsev S. A. From the Russian Empire to the USSR: the structure of trade with the Western countries. *Economic History: Almanac*. Moscow, 2006. P. 32–60. (In Russ.)
3. Voeykov E. V. Female workers of the forest industry in the Middle Volga region during the 1930s. *History Issues*. 2015. No 11. P. 133–138. (In Russ.)
4. Voeykov E. V. Stakhanovites of logging of the Volga region during the pre-war industrialization. *Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No 5. Vol. 15. P. 74–78. (In Russ.)
5. Gluzman V. L., Maslyukov M. F. Logging enterprises of the Central Ural Mountains. Yekaterinburg, 2001. 384 p. (In Russ.)
6. Gregory P. The political economy of Stalinism. Moscow, 2008. 400 p. (In Russ.)
7. History of the forest industry development in the Central Ural Mountains. (M. F. Maslyukov, Comp.). Yekaterinburg, 1997. 398 p. (In Russ.)
8. History of the pulp and paper industry in Russia. Arkhangelsk, 2009. 232 p. (In Russ.)
9. Zykin I. V. “Green gold” of industrialization. Timber industry complex of the Ural region between the late 1929 and the first half of 1941. Nizhny Tagil, 2015. 140 p. (In Russ.)
10. Zykin I. V. Timber industry complex of the Ural region (between the late 1929 and the first half of 1941): Diss. Cand. Sci. (History). Nizhny Tagil, 2014. 237 p. (In Russ.)
11. Koldanov V. Ya. Essays on the history of the Soviet forestry. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm> (accessed 12.08.2018) (In Russ.)
12. Kulagin O. I. Specific features of studying the timber industry complex of Karelia in historiography. *Local History Readings: Proceedings of X International Conference*. (P. N. Solovyova, Comp.). Petrozavodsk, 2016. P. 155–159. (In Russ.)
13. Kulagin O. I. The “gauge effect” of dependence in the forest industry of Karelia as a factor of the region’s socio-economic development in the late XIX and the XX centuries. *Regional Studies*. 2015. No 1 (47). P. 145–152. (In Russ.)
14. Kuznetsov A. F. The struggle of party organizations for the development of forest, woodworking, and pulp and paper industry of the Urals in 1933–1937: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Sverdlovsk, 1979. 19 p. (In Russ.)
15. Petrov B. S. Essays on the forest industry development in the Urals. Moscow, Leningrad, 1952. 146 p. (In Russ.)
16. Northern forest for all time. Syktyvkar, 2011. 431 p. (In Russ.)
17. Strakhov V. V., Pisarenko A. I. The forest management reform in Russia. *Use and Protection of Natural Resources in Russia*. 2010. No 3. P. 23–34. (In Russ.)
18. Shegelman I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
19. Shegelman I. R., Kulagin O. I. Specific features of the transformations in the forest sector of the Russian economy in 1917–1930. *New Word in Science: Prospects of Development: Proceedings of IV International Research and Practice Conference*. Cheboksary, 2015. P. 447–449. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.11.2018